

«Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». —
Л., Ю изд-ва «Наука», 1974. 324 стр.

Рецензируемый сборник порожден необходимостью сотрудничества лингвистов и этнографов при разработке проблем теории и практики картографирования. Картографирование при этом рассматривается как метод систематизации и сопоставления изучаемых фактов, выявления таких их отношений, которые иначе, при помощи других приемов, не могут быть установлены, т. е. как эвристический метод (стр. 71, а также стр. 4).

Сборник посвящен памяти академика В. М. Жирмунского, зачинателя и вдохновителя лингвогеографических работ в нашей стране, инициатора широкого лингвогеографического обследования языков народов СССР. В статье А. В. Десницкой «Вопросы социально-географического изучения явлений языка, этнографии, фольклора в работах В. М. Жирмунского» (стр. 8—15), открывающей сборник, оказались наметены проблемы почти всех последующих его разделов.

Общим проблемам и методике лингво- и этногеографических исследований посвящен наиболее обширный I раздел сборника. Его открывает статья Н. И. Толстого «Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований» (стр. 16—33), в которой всесторонне обосновывается необходимость для современной лингвистической науки объединения с этнографией (и археологией). По мнению автора, при исследовании процессов и изменений в языке, совершающихся во времени и пространстве, следует учитывать воздействие внелингвистических факторов на структуру языка в целом и на отдельные ее звенья, прежде всего на лексико-семантический уровень. Считая факторы материальной и духовной культуры при этом важнейшими, Н. И. Толстой указывает, что первым реальным шагом в таком объединении усилий лингвистов и этнографов может стать широкое применение метода параллельного рассмотрения изоглосс и изограмм (отдельные положительные примеры подобных сопоставлений уже известны в науке) и вместе с тем — поиски и накопление все новых фактов, их совпадений и сближений. В этой связи несколько неожидан его вывод: «Вероятно, неотложные задачи, стоящие перед славистикой, требуют того, чтобы лингвисты, не дожидаясь помощи этнографов (разр. наша. — *pec.*), сами в ряде зон... приглянулись за сбор материала и его первичную обработку...» (стр. 29—30).

В условиях интенсивного внедрения картографических приемов в языкознание и этнографию первоначально важной представляется методическая установка сборника на выявление и определение всей суммы основных лингвогеографических и этнографических понятий и тер-

минов. Проблема адекватного именования употребляющихся в лингвистике и этнографии терминов тем насущнее, что этнографы активно пользуются предложенными в лингвистике терминами (ср., например, термин *иррадиация* у М. А. Бородиной и *периферийная иррадиация* у Ю. В. Маретина, стр. 250; ср. также неологизмы *изосоциаль.* стр. 250, *изопрама* и проч. по аналогии с *изоглосса*).

Важна и инвентаризация и систематизация имеющихся понятий (многие из которых находятся в стадии становления), соответствующих терминов и даже несуществующих словосочетаний. Достижению этих целей способствует составленный Н. Л. Сухачевым «Предметный указатель» (стр. 307—312), вместе с «Именным указателем» заключающий сборник. «Предметный указатель» имеет важное методическое значение как понятийно-терминологический ключ не только к рецензируемому сборнику, но и вообще к ареальным исследованиям.

Насколько эта область исследований находится в динамике развития, показывает сохраняемый редколлегией сборника дискуссионный характер ряда публикуемых статей и, в частности, спор языковедов по поводу содержания терминов «лингвистическая география» и особенно — весьма неопределенного «ареальная лингвистика» (стр. 4)¹. Так А. В. Десницкая, подчеркивая, что В. М. Жирмунский никогда не пользовался термином «ареальная лингвистика» (стр. 9), полагает, что предостережения ученого «...должны быть учтены в практике ареальных исследований...» (стр. 15). М. А. Бородинна склонна разграничивать методы ареального (или, как ей представляется, удачнее, ареалогического) и лингвогеографического исследований («О типологии ареальных исследований», стр. 53 и сл., а также стр. 44, примеч. 2). Сходное мнение, с некоторой поправкой, разделяет Н. Л. Сухачев: он разграничивает понятие «лингвистическая география» как один из методов изучения языка и более общее понятие «ареальная лингвистика», которая представляет собой особую корологическую дисциплину и рамках об-

¹ Подобный подход вряд ли целесообразно распространять на используемую в сборнике узкоспециальную терминологию: ничем не оправдано и создает впечатление редакционной поспешности сохранение таких вариантов, как *кылчак* (стр. 242) и *кылчакский* (стр. 243, 244, 245, следует: *кылчакский*); *лагулякский* (277) и *лагулякский* (303) и др. Обращает на себя внимание путаница в применении терминов *топонимика* и *топонимия* (стр. 280, 282, 290), последний почему-то отсутствует в «Предметном указателе».

щего языкознания («Лингвистические атласы и карты», стр. 40—41). Т. В. Назарова признает автономность лингвистической географии среди других лингвистических дисциплин, причем предметом ее изучения считает ареал («К проблеме типологии диалектных ареалов», стр. 85).

При отсутствии в рецензируемом сборнике единого определения ареала (как впрочем, и в специальных изданиях, посвященных методам языковедческих исследований) предложенная Т. В. Назаровой дефиниция его как «картографической протяженности, ограниченной изоглоссой и соответствующей территориальному распространению определенного языкового (диалектного) объекта» (стр. 85), представляется нам наиболее полной и удачно конкретизированной²; к тому же это вполне согласуется с воззрением на картографирование как на эвристический метод. М. А. Бородина исходит из существования ареала не только на карте, но и в действительности (стр. 44); сходное значение вкладывается в термин «ареал [явлений]» (К. В. Чистов, «Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд», стр. 74).

К. В. Чистов считает картографирование «методом выяснения определенных противопоставлений в их географическом распространении» (стр. 79). Т. В. Назарова идет дальше³, выдвигая понятие «основного средства организации ареального пространства — ареальной оппозиции (АО), представляющей собой противопоставление однозначных разносистемных ареалов...» (стр. 86). Методом ареальных семантических оппозиций пользуется А. К. Матвеев при установлении топонимического ареала.

В соответствии со своими теоретиче-

скими взглядами на сущность ареала М. А. Бородина описывает его формы, его местоположение, границы, а также «наполненность» (стр. 44), а Т. В. Назарова выделяет лингвистические и формально-картографические признаки ареала, относя величину ареала, его конфигурацию, характер и проч. именно к этим последним (стр. 87). Что же касается лингвистических признаков, то они лежат в основе системных соотношений ареалов, исходя из которых различаются, например, четыре типа однозначных ареалов (стр. 87). В статье Т. В. Назаровой поставлена типологическая проблема моделирования связей ареалов, которое предлагается осуществлять путем взаимного наложения, противопоставления и т. п.

В статье М. А. Бородиной на основе сопоставления ареальных методов, все шире применяющихся в различных науках (в том числе и общественных), выдвигается идея о возможности выявить типологию ареальных исследований. Не со всеми положениями автора можно согласиться. Нам, например, не кажутся «столь родственными», как это представляется автору, языкознание и этнография (стр. 45); вряд ли приемлемо утверждение о том, что между лингвогеографией и этногеографией «больше общего, чем различий» (стр. 46). Безусловно общей является лишь возможность применения метода пространственной интерпретации явлений (именно это оказывается тем единственным, что объединяет названные дисциплины и блогогеографию). Применение этого метода порождает известное число новых сходств, но сходств, так сказать, вторичного порядка. Однако, как пишет сама М. А. Бородина, «... при внешнем типологическом сходстве рисунков (моделей) не только различно их содержание, но и процесс (причины) образования и функционирования» (стр. 53).

Можно усмотреть известное противоречие в том, что автор, с одной стороны, оценивая «Новые региональные атласы Франции» как отражающие стремление их составителей «к новому осмыслению языковых и этнографических категорий, стремление выйти за пределы исследований в области одной науки...» (стр. 45), с другой стороны, пишет, что эти атласы стали называться «лингвистическими и этнографическими», «лингво-этнографическими» «несколько стихийно... без какого-либо предварительного обсуждения и теоретизирования этого вопроса, декларации о связи лингвистики и этнографии...» (там же). Существует мнение, что представители западноевропейской, в частности романской, лингвогеографической школы широко вводят в диалектологические исследования этнографический аспект, в своей деятельности отводят ему подчиненную, по отношению к линг-

² Т. В. Назарова в насыщенной новыми идеями статье подчеркивает, что «понятие ареала связано с условной картографической протяженностью, или ареальным пространством, представленным на плоскости карты» (стр. 85). По-видимому, неоднократное употребление слова *условный* явилось поводом для не вполне адекватного, на наш взгляд, реферирования воззрений исследователя (стр. 40, примеч. 15, ср. также стр. 307). Заметим, что подобная же «условность» присуща и топонимическому ареалу в определении А. К. Матвеева («Ареальные исследования и этимологизация субстратных топонимов», стр. 289).

³ О противопоставленных различительных элементах диалектов и родственных языков см.: Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн, Лингвистическая география и структура языка, М., 1958, стр. 12—13.

вистическому, роль. Если придерживаться такого мнения, то употребление термина «лингво-этнографический атлас» нежелательно, так как возникла бы иллюзия, что существует принципиальная возможность создать комплексный труд, где оба аспекта будут представлены как равноправные.

Безусловная уверенность в возможности создать комплексный труд, где оба аспекта — лингвоэтнографический и этногеографический — были бы представлены более или менее равноправно, выражены в статье И. А. Давидзеевского «К вопросу о „Лингвистическо-этнографическом атласе культуры Карпат“ (ЛЭАКК)» (стр. 107—111). Предполагается, что в ЛЭАКК будут включены карты чисто лингвистические, чисто этнографические и комбинированные. Излагается план работы, перечень конкретных мер, призванных обеспечить ход ее. Создается, однако, впечатление, что остались недостаточно обоснованными и проумянными общетеоретические и практические аспекты соизмерения в одном труде двух столь различных начал. Нет ответа на такой, например, вопрос: почему нужен именно единый труд (выполнение которого — при таком размахе — неизбежно грозит превратиться в неразрешимую задачу). При достигнутом уровне лингво-этногеографических исследований более целесообразной видится перспектива создания двух трудов, а именно: лингвистический атлас зоны Карпат с непрерывным учетом этнографической стороны картографируемых названий и этнографический атлас карпатской культуры (в программе которого этнографы могут предусмотреть, независимо от лингвистов, сбор соответствующей терминологии)⁴ с тем, чтобы затем сопоставить результаты — полученные изоглоссы и изопраксы; этот путь предложен Н. И. Толстым. Заметим, что «изучение диалектной лексики методом лингвистической географии с учетом этнографических особенностей реалий», строго говоря, все же нельзя называть «лингвоэтнографическим исследованием» (статья из II раздела сборника: В. К. Павел, Р. Я. Удлер, «Лингвоэтнографическое исследование материалов Молдавского лингвистического атласа», стр. 178).

⁴ О проблеме включения терминологических карт в историко-этнографические атласы см. статью Г. С. Масловой «Значение картографирования русского традиционного костюма для этногенетических исследований», стр. 253; см. также статьи: Т. А. Иданико «Картографирование в агроэтнографии», стр. 234, 238; Е. Н. Студенцкой «Общие черты в мужской одежде народов Северного Кавказа и их отражение в терминологии», стр. 257—263.

Ставя вопрос «о типах, формах и закономерностях соотношения языковых границ и ареалов отдельных элементов и комплексов традиционной культуры... в различных социально-экономических и этнокультурных ситуациях» (стр. 75), К. В. Чистов высказывается в пользу осуществления идеи комплексного картографирования элементов традиционной культуры и соответствующих им терминов (стр. 77). Вызывает сомнения постулируемое автором сходство картографирования терминов материальной культуры в историко-этнографических атласах, с одной стороны, и картографирования лексики в диалектологических атласах, с другой (стр. 77; на одно из принципиальных различий указывает сам автор на стр. 78: для этнографов интерес представляют лишь лексические варианты терминов, но никак не фонетические и не морфологические; между тем любые из них релевантны для лингвистов). Кроме того, и само понятие «комплексного картографирования» нуждается в раскрытии. В это понятие можно было бы вкладывать картографирование в этнографических работах определенных названий (терминов) для нужд именно этнографов, с элиминированием при этом элементов, избыточных в подобных исследованиях. Соответственно в лингвистических работах оно понималось бы как учет — с необходимой и достаточной для лингвистов степенью точности — этнографического аспекта. Вряд ли целесообразно понимать под «комплексным картографированием» объединение в одном труде карт, где лингвистические и этнографические единицы были бы отражены с разной и необходимой в каждой из двух наук степенью точности и детализации.

Анализ приемов картографирования и методики обработки и исследования материала карт в существующих лингвистических атласах составляет содержание статьи Н. Л. Сухачева «Лингвистические атласы и карты». Различия между лингвистическими и диалектологическими атласами (стр. 41), по мнению автора, заложены уже на стадии анкетирования («программы» и «вопросники»). Принципиальная разница между картами «на отдельное слово» и картами «на явление» бесспорна; необходимо терминологическое разграничение карт различного типа. Однако наименование карт одного типа (на отдельное слово) «лингвистическими» вызывает представление о том, что они более согласуются с общелингвистическим подходом к языковому материалу, с постановкой общих (в рамках «ареальной лингвистики») задач, чем карты «диалектологические». Кстати, Н. Л. Сухачев не учитывает практику выработки комбинированных программ-вопросников, цель которых — обеспечить сбор материала как по явлению в

целом (для чего задается иногда довольно значительный список слов), так и по отдельным, «лексикализированным» случаям (для чего указываются обязательные для сбора слова). Такова, например, программа издания «Български диалектен атлас» (1—2, София, 1964—1966).

Ряд статей I раздела даст материал для раздумий над опытом применения методов картографирования в языкознании и этнографии. Так, К. В. Чистов справедливо указывает на сложность вопроса, связанную с требованием противопоставления на картах равноценных и изофункциональных элементов⁵, и ставит важный методический вопрос: какова допустимая мера сходства явлений, которые могут считаться равноценными? Предварительная оценка явлений с целью отбора их для картографирования должна строиться не на отвлеченных представлениях об их важности или второстепенности, а на наблюдении над их варьированием в различных районах расселения этноса или их различиях в сопоставляемых этнических средах (стр. 82).

Именно при наличии нескольких параллельных форм (в данном случае — элементов материальной и духовной культуры) оказываются особенно важными количественные оценки изучаемых явлений, подчеркивает М. Г. Рабинович в статье «К методике этнографического картографирования», где предлагается техника нанесения на карту количественных показателей (стр. 87).

Важность учета количественного аспекта в картографировании языковых явлений показана в статьях Н. Н. Пшеничновой «К вопросу о статистическом анализе материала для лингвистического картографирования» и И. В. Кузьмина и Е. В. Немченко «О характере синтаксических различий русских говоров и их картографировании», которой открывается следующий раздел рецензируемого

сборника — «II. Лингвистические ареалы». В первой статье обсуждается вопрос, как показать на карте неодинаковое по говорам количественное соотношение реализаций разных членов междиалектного соотношения. И. В. Кузьмина и Е. В. Немченко предлагают метод условного картографирования синтаксических различий, имеющих в говорах неодинаковый количественный характер, посредством карт-схем.

Обмен информацией о методике составления атласов представлен в статьях С. В. Бромлей «О проекте сводного „Диалектологического атласа русского языка“ (ДАРЯ)» (стр. 95—101), Э. Р. Тенишева «О работе над „Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза“» (ТДА, стр. 101—107), Г. В. Степанова «О лингвостатистическом атласе Колумбии» (стр. 111—114), И. А. Дзедзелевского о ДЭАКН. Несмотря на то, что все эти атласы очень различны по своим целям, охвату материала, методике и уровню разработки, этот обмен полезен для выяснения общих принципов составления атласов. ДАРЯ ставит целью картографирование целостных звеньев языковой структуры, ТДА — картографирование фонетических, морфологических, лексических и семантических сходжений и расхождений, причем преимущественное внимание уделяется фонетике (165 фонетических признаков из 211 картографируемых), между тем как современная лингвогеография требует равного учета морфологических изоглосс наряду с фонетическими.

В статье Л. Т. Выгонной «К интерпретации лексических карт» (стр. 154), помещенной во II разделе, высказывается мысль о том, что решение вопросов языкового членения будет способствовать «дальнейшее изучение соотносительности лексического деления с морфологическим и фонетическим». Традиционное распределение диалектных зон, основывавшееся на ограниченном числе фонетических изоглосс, в настоящее время подвергается пересмотру — см. статью А. С. Герда и В. М. Мокиенко «К проблеме членения славянских диалектов» (стр. 115), где традиционная классификация славянских диалектных зон дополняется данными о распространении словообразовательных формантов и ряда лексических единиц.

Ф. П. Сороколетов и И. А. Попов («Областные словари как источник лексикологических и ареальных исследований») считают, что составление карт-схем распространения отдельных лексем вполне оправдано в региональных словарях.

В методическом отношении интересна статья II раздела Ф. Д. Климчука «К соотношению диалектных, этнографических и археологических ареалов Брестско-Пинского Полесья», где рассматривается, с одной стороны, совпадение современно-

⁵ Для лингвиста, скажем, множество зафиксированных в изучаемой зоне изофункциональных терминов делает необходимым, прежде всего, решение вопроса: чисто ли лингвистическое это явление или же причина многообразия названий также и в действии внелингвистических факторов? Лишь установив коррелятивные отношения между собственно лингвистическим планом и планом внелингвистическим, «можно ставить задачу оперирования исключительно лингвистическими фактами» (стр. 21). Для этнографа сложность состоит в том, что в явлениях духовной культуры он может иметь дело, во-первых, с несколькими различными по своей природе рядами элементов и комплексов и, во-вторых, с такими аспектами, как система критики источников, сетка обследования, отбор явления для картографирования и т. п.

го диалектного членения Западного Полесья с территориальной расселения в прошлом (VIII—XIII вв.) ряда древнеславянских племен и, с другой — близость некоторых диалектных границ и ряда изоглоссов.

Вопросы ретроспективного толкования современных территориальных показателей языковых единиц затрагиваются в ряде статей II раздела сборника: Е. Г. Мамсуровой «Обусловленность лингвистических изолиний», Л. Н. Сычевой «Лингвистическая география и история языка», авторы которых стремятся уязвить внешнелингвистические факторы (история страны, характер рельефа и географическое положение страны) с историей языка — иногда без надлежащей осмотрительности (см. особенно стр. 186 и 188). Статья Н. И. Серман «Внутренняя форма слова и вопросы лингвистической географии» (стр. 193—198), содержащая полезное и интересное исследование народной номинации в ее исторической, этнографической и фольклорно-обрядовой обусловленности, также лишена необходимой осторожности в отношении использования данных этих наук.

В I разделе сборника специально проблеме картографического изучения письменности деловых документов и установления исторических ареалов посвящена статья Н. Н. Мильман («Значение текстов в лингвогеографических исследованиях»). Во II разделе проблемам диахронической лингвогеографии посвящены статьи профессора Дижонского университета Ж. Таверде «Пикардизмы в старобургундских текстах» и А. Б. Черняк «Глагол *adire* в современных диалектах и старофранцузских текстах» (стр. 202—206).

Некоторые страницы истории ареального изучения языков, как современных, так и древних, в I разделе раскрываются в статьях А. А. Насаткина «Л. Сальвинати и Дж. Папанти как исследователи итальянских диалектов» (стр. 124—128) и Л. Г. Герценберга «Ареальные методы в пидевропейское языковедение» (стр. 136—141).

Помимо названных выше, во II разделе помещен ряд статей, посвященных методу и опыту лингвистического рекартографирования материала романских диалектологических атласов, которое становится одним из важных приемов лингвогеографического исследования. Это статьи А. А. Смольевского «О картографировании синтаксических явлений в лингвистических атласах Италии и Франции (к проблеме актуального членения предложения)» (стр. 148—151), В. П. Даниловой «О фонетической реализации омонимичных морфем в галлороманских говорах» (стр. 209—214), М. А. Бородинной, П. И. Рощки, С. П. Николаевой, С. А. Кокшановой «Опыт рекартографирования и интерпретации общероманского ареа-

ла» (стр. 214—220). В последней статье такой опыт, проделанный на материале семемы «виноградная лоза», которая представлена во всех романских атласах, показывает сходную мотивированность внутренней формы обнаруженных названий. Может быть, стоило бы более тщательно разграничить первое и шестое семантические поля. В одно из них авторы относят, помимо «палка», «бревно», «пень» и т. п., также и «прут», «тростник», «стебель», в другое — «куст», «растение», «росток», «побег». Возможно считать их принадлежащими одному полю, объединенному идеей «растение» и т. п. (здесь же следовало бы в этом случае прибавить семемы седьмого поля — «живое», «живущее» и т. п.). Кстати, на прилагаемой к работе карте ареалы всех этих семем, как правило, соседствуют.

Г. Ф. Вейсбург в статье «Проблема семантического микрополя и картографирование лексики» (стр. 155—160) подчеркивает теоретическую и практическую значимость картографирования лексем в рамках целостной предметной группы (на примере некоторых названий пищи и приемов ее). В статье А. С. Соколовской «Лингвогеография и этимология некоторых названий одежды и обуви» наряду с верными наблюдениями содержатся спорные выводы и положения. В частности, представляется невозможным возведение локального варианта *zobova* (стр. 107) к праславянскому **zobova* и объяснение (вслед за В. В. Мартыновым) указанной формы через **zobъ* (с 2-основой); подробнее об этимологии н.-луж. *chobowa*, польск. *chobowa*, русск., укр. *хобова* и пр. см. у Ф. Славского, М. Фасмера, П. Скола.

В. С. Сорбалз в статье «Реконструкция терминологической системы пил и вожжов в молдавских говорах» (стр. 169—176) делает попытку проследить развитие указанной группы терминов (в том числе расширение и сужение семантики некоторых лексем), исходя прежде всего из эволюции самих реалий. Автор слишком прямолинейно, на наш взгляд, понимает идею связи материальной культуры и языка. Так, исчезновение из восточнороманских диалектов латинских терминов для пил без какой-либо аргументации трактуется как доказательство исчезновения самих инструментов и соответствующих видов ремесла. Ясно, однако, что причины, приведшие к вытеснению исконных названий и замене их заимствованиями, гораздо сложнее и многообразнее. Неубедительно постулируемое автором заимствование термина *беские* (< тур. *biskî* «поперечная пила, пила») вместе с поперечной и п р о д о л ж н о й (? разг. *наша* — *рең.*) пилами у турок» (стр. 173); к тому же в статье многократно повторяется ошибка в написании турецкого названия пилы: вместо тур. *biskî* повсюду приводится тур.

biski (стр. 170, 172, 173, 174, 175) «крой-ка» (по «шила»). Автор пытается объяснить «е» в молд. *besnie* путем возведения последнего к «тур. *biski* в контаминации с молд. *bestie* «зверь, животное, скотина» (< лат. *bestia*)» (стр. 173). Вероятнее путь заимствования молд. *besnie* < болг. *бичка* < тур. *biski* (бички) при интенсивном развитии процессов палатализации, которое на Балканах было стимулировано славянским адстратом.

Конкретные ареалогические наблюдения над романским языковым материалом содержатся в статьях И. С. Носпеловой «Ареалы вспомогательных глаголов при местоименных глаголах во французском, итальянском и ретороманском языках» (стр. 191—193), М. Г. Волох «Миро- и макросгласы и возможности их сопоставления» (стр. 193—202), С. П. Николаевой «Архаизмы и инновации в маргинальных зонах Романии» (стр. 181—184). В последней представляется неудовлетворительной предлагаемая автором параллель между ролью испанского языка в современных говорах Галисии и ролью славянского церковного языка в период создания первых славяно-румынских государственных образований (XIV в.).

Интересными и разнообразными материалами насыщены последующие разделы сборника — «III. Историко-этно-

графические ареалы» (стр. 221—283) и «IV. Ономастика, топонимика, антропонимика» (стр. 284—306). В IV разделе, помимо упоминавшейся работы А. К. Матвеева, опубликованы статьи В. А. Никонова «Проблемы ономастических ареалов» (стр. 284—289), Г. М. Василевич «Антроповыми и этновыми у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибирь» (стр. 296—302), Р. Х. Додухудоева «Ареально-историческая интерпретация микротопонимии Западного Памира» (стр. 302—306).

В заключение подчеркнем, что важно и плодотворно само развернувшееся на страницах сборника широкое и многоаспектное обсуждение неотдавленных проблем лингвогеографии и ареальной лингвистики, в том числе вопросов соотношения этих отраслей науки, а также возможности их «синтеза»; полезно и то, что привлечено внимание к трудностям как методического, так и практического характера, сопровождающих применение метода картографирования в языковедении, этнографии, археологии. Рецензируемый сборник, несомненно, будет интересен для специалистов самых разных отраслей языковедения.

Г. Ф. Благова, Г. П. Клепикова

С. С. Волков. Лексика русских челобитных XVII века. — Л., изд-во ЛГУ, 1974. 163 стр.

В рецензируемой книге рассматриваются особенности формы и стилистическое своеобразие русских челобитных XVII в. — так назывались в XVI — XVII вв. всякого рода прошения, заявления, жалобы на имя царя, членов его семьи, патриарха, боярина... Эта наиболее массовая и распространенная в XVII в. разновидность актовых документов своими формальными особенностями выделяется среди разнообразных по своей социальной значимости деловых памятников XVII в. Челобитные XVII в. выполняли различные функции, что отразилось уже в многозначности самого термина «челобитная». Это и родовое наименование определенной разновидности актов (официальных заявлений, прошений, жалоб, допросов и т. п.), это и видовое наименование прошения или жалобы, иска, доноса и т. п. (исковая челобитная, явочная челобитная, изветная челобитная, мировая челобитная и др.). Занимая промежуточное положение между официально-деловыми актами и актами частно-делового характера, челобитные выполняли важные социальные функции, что обуславливало их массовое использование и широкое распространение. Это обусловило также необычайную широту

и многообразие содержания документов, отражавших русскую действительность XVII в. с ее хозяйственными и бытовыми подробностями.

Вот почему челобитные являются интереснейшим объектом для языковедческого, особенно лексикологического анализа.

Письменные памятники были и остаются основными и главными источниками изучения истории русского языка. Именно широкое сравнительное изучение разнообразных письменных памятников может привести к выявлению процессов и закономерностей русского языка.

Для изучения истории лексики русского языка XVII в. особенно важно и интересно привлечение в качестве источников деловых памятников, язык которых сыграл важную роль в формировании русского национального языка в его устной и письменной формах. С. С. Волков справедливо отмечает, что «изучение языка деловой письменности XVII в. самым непосредственным образом связано с исследованием процессов формирования языка русской нации и его высшей формы — национального литературного языка в начальный период их истории» (стр. 3).